

Novikov and 18th century Russian freemasonry in the stream of ontologically grounded cultural studies.

As the author clearly points out is the fact that Novikov's heritage became the soil for a new phenomenon in Russia – the counterculture whose first emanation was the Decembrist movement. It carved the split between the faithfulness to the monarch and the faithfulness to the country, between the interests of individuals and the interests of the empire, beginning their rebellion at the Senate Square to change the system into something more human-like, into an order able to protect human rights and individual dignity. However, as Abassy suggests, the new cultural pattern based on anthropocentrism initiated a tragic cracking inside Russian culture.

The text of the book provides a deep insight into a reasonable set of primary sources and literature. What seems especially valuable is the fact of resorting to direct examples of polemics with Catherine the Great, whose doctrine differed from the ones of her predecessors only in the dimension of methodology, not in the objectives.

Małgorzata Abassy's monograph is a useful and clever analysis, in which an intellectual story of a Russian thinker becomes a material for a case study, which strengthens a broader reflection about the transformation of seemingly unchangeable patterns of Russian culture.

Joachim Diec

Uniwersytet Jagielloński

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ: АЛЬМАНАХ 1, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Санкт-Петербург-Росток, 2013, с. 432.

В 2012 году в ИРЛИ (Пушкинский Дом) был открыт исследовательский центр «Современная словесность в литературной традиции», а уже год спустя появился первый том альманаха *Текст и традиция* (ТТ), отразивший научную и просветительскую деятельность этого центра. Редактором альманаха стал медиевист, ведущий научный сотрудник ИРЛИ – Евгений Водолазкин.

В редакторском введении центральное устремление нового альманаха обозначено по-пушкинотомски академично: «максимально широко исследовать бытование литературного текста в традиции» (с. 8). Это значит, что альманах мыслится как серийное издание научных текстов, объединённых по тематическому признаку; при этом потенциальным авторам рекомендуется рассматривать произведения современной литературы преимущественно копаративистски, хотя в принципе не воз-

браняются и иные методологические позиции. Вариативность возможных подходов нашла выражение в четырехчастной рубрикации альманаха: «Academia», «Архив», «Vox scriptoris» («Голос писателя»), «Диалоги». И если первые два раздела практически не выходят за установки, принятые в главном журнале ИРЛИ – «Русская литература», то два других призваны актуализировать внимание к живому литературному слову современности. Так, «Academia» включает статьи, авторы которых рассматривают новейшие произведения или тенденции литературного процесса в контексте средневековой и классической традиций; «Архив» публикует ранее не издававшиеся тексты; «Vox scriptoris» содержит размышления литераторов о прошлом и настоящем культуры; «Диалоги ТТ» отражают живой обмен мнениями относительно новейшей литературы и ее места в современном обществе.

В первом томе альманаха представлены статьи известных питерских и московских ученых, представителей зарубежной русистики, а также очерки, эссе, полемические выступления прозаиков, поэтов, критиков и журналистов.

I. ACADEMIA – центральная рубрика альманаха – открывается по существу программной статьей Марины Михайловой: *Корабль Энея: классика в современной культуре*, где констатируется, с одной стороны, незавидное положение классики с ее девальвацией и падением к ней общественного интереса в современном поле культуры, а с другой, неизменное ее сохранение и бытование в «истории заблудшего человечества» в качестве основных эстетических, нравственных и интеллектуальных констант. Михайлова охарактеризовала основные подходы к классике (герменевтический, рецептивный и релятивистский), изучила соотношение классики и канона, классики и школьного образования, затронула вопросы классического авторитета и интеллектуальной дисциплины, порядка и разрушения, свободы и угнетения, необязательности и репрессивности, прошлого и настоящего, временности и вечности и проч. и проч. При этом совершенно четко выделила значимость прежде всего этической составляющей классики: «Сегодня классическая традиция жизненно важна потому, что она, свободная от идеологических ограничений, продолжает быть школой, в которой совершается формирование и культивирование человека» (с. 33). Исследовательница подчеркнула жизненность классической традиции для культуры настоящей и будущей и, вероятно, поэтому завершила статью образно и не без патетики: «Лицо земли скрыли воды информационного потопа, и наша Троя в огне. Но верно и то, что Братство Книги – новый ковчег, который позволит нам сохраниться в бурной и вязкой стихии информационной болтовни. Это корабль Энея, на котором жизнеспособный остаток европейской культуры отбывает к новым берегам» (с. 36).

Евгений Водолазкин, размышляя *О средневековой письменности и современной литературе*, пытается понять, что именно в современной литературе сохранилось от ее средневековой предшественницы. И в самом деле обнаруживает немало сходств между современным этапом развития литературы и Средневековьем: это

и центонный характер современного текста с обилием аллюзий, цитат, пересказов, и различные текстуальные заимствования (Владимир Сорокин, Михаил Шишкин, Владимир Березин), и заметное ослабление авторского начала, и летописная, благодаря Интернету, открытость/развиваемость текстов, и тяготение к невымышленному, обусловившее резкий рост биографической и автобиографической прозы (Андрей Аствацатуров, Сергей Довлатов, Эдуард Лимонов), и «новый реализм» с его стремлением отражать «безусловную реальность» и проч. Автор приходит к выводу, что «в настоящее время можно говорить если не о смерти художественности, то о ее размывании. Литература некоторым образом стремится к дохудожественному состоянию, которое повторится на новом этапе – с памятью о преодоленной художественности» (с. 61). Сходство современного этапа со Средневековьем Водолазкин видит «не столько в том, что слова снова «ничьи» и доступны для использования, сколько в том, что литература становится по-средневековому неоднородной и в определенном смысле без-граничной» (с. 61–62).

Андрей Ранчин в статье *Древнерусская словесность и русская литература Нового времени: к проблеме преемственности* утверждает, что в западноевропейской культуре четко прослеживается преемственность от античности до Нового времени, в русской же литературе этой последовательности нет: «преемственность между древнерусской словесностью и литературой Нового времени ...(вос)создается на определенных этапах литературной эволюции, когда обращение к своей древности становится актуальным» (с. 68). Формы актуализации средневековой литературы в Новое время автор убедительно демонстрирует на примерах *Слова о полку Игореве* и *Жития протопопа Аввакума*. Как известно, значимой идеей, обусловившей литературоцентризм русской культуры и взаимосвязь между этапами ее развития на протяжении длительного времени, была идея пророчества. Символическими вехами разрушения «пророческой парадигмы» русской литературы стали, по мнению исследователя, две смерти – Бродского (1996) и Солженицина (2008). Для творчества обоих авторов как раз и было характерно пророческое начало (с. 80–81), обеспечивавшее преемственность между старым и новым временем. Перспективы дальнейшего развития литературы исследователь связывает с латентной литературностью.

Мария Виролайнен посвятила свою статью *Когда слова были вещами, а предметы не отбрасывали теней, или Вперед, к Средневековью!* рецепции средневековой миниатюры современным художественным сознанием и тому контексту, для которого эта рецепция оказалась значимой; в частности, речь идет о таких произведениях, как *Меня зовут Красный* Охрана Памука, *Осада церкви Святого Спаса Горана Петровича*, *Круги на воде* Вадима Назарова. В результате анализа текстов турецкого, сербского и русского писателей исследовательница обнаружила «несомненную общность» их романов, проявляющуюся прежде всего в том, что в каждом романе «сердцевина сюжета» непосредственно связана с эпохой Средневековья;

авторы «твердо помнят ...о начале и конце мироздания (а следовательно, и о его Творце, посылающем на землю ангельскую весть)»; «средоточием духовных усилий становится именно средневековый – срединный – момент человеческой истории». Виролайнен видит в романах трех писателей «некое устремление в будущее через позапрошлое новоевропейской культуры, некий «протомедиевизм»» (с. 101–102).

Наталья Поньрко, рассматривая *Наследие древнерусской культуры в жизни и творчестве Льва Толстого* в связи с традиционной в истории литературы темой «Аввакум – Толстой», обнаружила у автора *Исповеди* «органичное усвоение юродственного архетипа поведения» в том, что было связано с его «уходом» (с. 110). Автор статьи усматривает параллели в судьбах Толстого и галицкого юродивого XVII в. Стефана Нечаева, бравшего на себя подвиг юродства: человек удалялся из родных мест в «чужую землю» и становился неузнанным безымянным странником, как Алексей Человек Божий (с. 107). В повести «Отец Сергей» Поньрко выявляет контуры поведенческого архетипа, который был близок самому Толстому. Старец Сергей, продумывая вариант своего исчезновения-ухода, намеревался сначала уехать на поезде, проехать триста верст, затем сойти и пойти по деревням для того, чтобы давать просящим. Этот вариант Толстой чуть было не воплотил в своей жизни (с. 108).

Роберт Ходель также обратился к имени великого романиста, но в ином ключе. В статье *Этика или метафизика: о влиянии Льва Толстого на Людвиг Витгенштейна* профессор Гамбургского университета, изучив дневники и философские сочинения австрийского мыслителя, отметил: «эволюция Витгенштейна от убежденного атеиста к человеку, проявляющему явный интерес к религии, была связана с чтением Толстого» (с. 113), а далее автор сосредоточился на выявлении родства между лингвистической философией Витгенштейна и этическим учением позднего Толстого.

Игорь Волгин в статье *Толстой и Достоевский: разногласия в стиле (К истории одной невестречи)* рассуждает о причинах физической невестречи писателей при жизни и делает попытку реконструкции того метафизического диалога, который, зародившись в глубинах творческого сознания писателей, длится по сегодняшний день. Через стиль письма каждого из авторов ученый пытается прозреть широкий «мироотношеннический» диапазон, включающий в себя историко-биографические и религиозные аспекты, особенности жизнеповедения и даже факты «странных» посмертных переключек (с. 128). Исследователь рассматривает художественное мышление Толстого и Достоевского как два противоположных способа миропостижения. Он обращает внимание на то, что «Толстой в максимальной степени «высветляет» свою прозу; он старается объяснить, обсудить, «дегерметизировать» характеры действующих в его романах персонажей, твердо установить их взаимные связи, как можно точнее зафиксировать все их притяжения и отталкивания. Толстой не терпит двусмысленностей, недоговоренностей, намеков,

умолчаний: его усилия направлены к тому, чтобы уничтожить неопределенность. Это стремление выражено в самом синтаксисе толстовской прозы, в построении фраз (типа «не потому что, а потому, что»), в обилии объясняющих, «разматывающих», уточняющих придаточных предложений и т. д. Обнажение скрытых от глаз читателей внутренних причин и следствий совершается либо в форме прямого авторского толкования, либо через перекрещивающиеся и дополняющие друг друга сознания действующих лиц. Но в любом случае – открыто, неприкровенно, на наших глазах» (с. 129–130). Художественное зрение Достоевского, по мнению исследователя, устроено по-другому. Романские ситуации, созданные писателем, как правило, оставляют некоторый простор для читательской догадки. Достоевский не настаивает на одной (безусловной) версии происходящего, особенно это характерно для жизнеописаний, при этом нередко слухи играют не меньшую роль, чем достоверно установленный факт. В прозе Достоевского действует система повествовательных намеков (с. 132). Если Толстой, в прозе которого доминирует мощное аналитическое начало, как убедительно показывает Волгин, стремится вывести все важнейшие художественные смыслы наружу и хочет твердым комментирующим словом объять и объяснить всю полноту душевных и исторических движений (с. 133–134); то у Достоевского – при кажущейся психологической неопределенности, значимости отношений интуитивного характера – все смыслы часто уведены, «загнаны», запрятаны в подтекст (с. 133).

Профессор Римского университета Марио Капальдо в статье *На каком языке молчит Иисус, стоя перед Великим инквизитором?* сконцентрировался на ситуации коммуникативного конфликта в романах Достоевского. Исследователь отмечает «бесперывное столкновение двух противоположных разновидностей языка: языка разговорного, телесного, светского, открытого современности, и языка, изобилующего церковнославянизмами, духовного, связанного с православием, уходящего корнями в традицию» (с. 163). Антогонистическая языковая двойственность, обусловленная противоположными устремлениями духа, находит свое подтверждение в резком противопоставлении Иисуса и Сатаны, при этом автор статьи убежден, что Сатана представлен у Достоевского Великим инквизитором (с. 163). Молчание Иисуса трактуется Капальдо как средство борьбы с риторикой Великого инквизитора: «чтобы одержать верх над воинственной риторикой власти, потребовалась риторика, противоположная по знаку, безоружная – более того, радикально кенотическая – слово превращается в молчание (с. 169). Молчание Иисуса имеет своей целью разоблачить махинации Сатаны.

Людмила Сараскина в статье *Критика «Одного дня Ивана Денисовича» в метаниях между хвалой и хулой* проследила характер изменения рецепции партийной советской печати в целом и отдельных ее представителей в частности как любопытный «оттепельный парадокс»: от победных фанфар «Ивану Денисовичу», когда партийная пропаганда воспринимала повесть чуть ли не как

художественную иллюстрацию политической линии партии (180) до ненависти и травли писателя за ту же повесть, которая оценивалась как «идеологическая диверсия против советской власти» (с. 200). Между двумя формами рецепции, как показывает Сараскина, лежит политическая судьба Хрущева.

Борис Егоров в последние годы немало внимания уделяет таким «выдающимся отечественным и мировым поэтам», как *Борис Чичибабин* и *Юрий Кузнецов*. В статье рассматривается творчество поэтов «в сходстве и отличии». У обоих, как отмечается, были трудные судьбы. Чичибабин пережил арест, лагерь, различные жизненные неурядицы, любовные драмы, эмиграцию друзей-евреев, развал Советского Союза со всеми вытекающими последствиями. Кузнецов также познал семейное горе, гибель отца на фронте, любовные неудачи, распад страны и проч. Поэты, подчеркивает исследователь, «схожи густотой своей трагедийности» (с. 202), но сущность пережитых трагедий, формы их описания и способы их преодоления различны, как различны идеалы, социально-политические и нравственные убеждения. Если Чичибабин, как считает Егоров, по своей органике не был трагедием, то Кузнецов, наоборот, «природно трагедием в своем одиночестве». Для обоих поэтов характерны любовь к России и любовь к Богу с сопутствующим возвышением духовного над плотским, материальным (причем у обоих религиозные чувства заметно выросли к концу жизни). Но обе любви опять-таки жили и проявлялись по-разному. Анализируя поэтическое творчество Чичибабина и Кузнецова, исследователь приходит к заключению, что поэты в сходствах и контрастах «демонстрируют свое величие и оригинальность» (с. 242).

Татьяна Фролова основное пространство своей статьи *Искусственность и искусство: о метафорах времени и пространства в современной прозе* насытила примерами из романного творчества т.н. «авторов-метафористов» (П. Крусанов, И. Полянская, А. Проханов, О. Славникова, А. Иванов, Лена Элтанг, А. Бабилов) и сделала общий вывод о том, что в современной метафорической прозе явно обнаруживается «отпечаток сделанности, театральной постановочности», при этом «пространство превращается в декорацию с букетом тщательно прорисованных мелких и крупных деталей, а персонифицированное время выводится на сцену в качестве героя» (с. 261).

Итак, как можно судить по статьям, вошедших в «Academia», первый том альманаха идеален в реализации редакторской установки на диалог и по-хорошему традиционен в постановке проблем и путях их решения.

II. VOX SCRIPTORIS дал возможность услышать голос Павла Басинского: *Фаталисты: Лев Толстой и Иоанн Кронштадтский*; Михаила Гиголашвили: *Набоковщина*; Алексея Варламова: *Василий Шукшин: без грима*; Льва Аннинского: *Генеральная уборка: Евгений Евтушенко, XXI век*; Владимира Березина: *Рождение нового слова*; Валерия Попова: *Разбитое зеркало*; Сергея Дмитренко: *Проект «Современной школе – современное чтение» за пределами школы*.

III. АРХИВ включил публикации Леонида Юзефовича: «*По болотам, лесам, по оленьим тропам...*» *Дневник и стихи генерала А.Н. Пепеляева*, где использованы материалы, хранившиеся в Архиве ФСБ по Новосибирской области (Д. 13069. Т. 1, л. 212–297), и Глеба Маркелова *Неизвестный крестьянский поэт Григорий Кругов*, основу составляет поэтическая автобиография *Горькая доля, или Песни о моей жизни*, обнаруженная в рукописной книге Григория Кругова из фондов Древлехранилища Пушкинского Дома (оп. 23, № 323), а также очерк Петра Бухаркина: *Поэзия Николая Стефановича – сейчас и прежде*, где автор на основе собственных авторецепций 1978 и 2012 гг. мало известного поэта показал не только его неповторимый облик, но и акцентировал преемственность восприятия, объединяющую две, казалось бы, совершенно разные эпохи.

IV. ДИАЛОГИ отразили обмен мнениями ученых, писателей, поэтов по проблемам, связанным с культурой, характером поэтического творчества, возможностями филологической науки, сутью писательской личности, творческим и нетворческим поведением, рождением нового читателя и мн. др.

Евгений Водолазкин и Владимир Толстой, размышляя о значении двух Домов – *Дома Пушкина и Дома Толстого* – в истории русской науки и культуры, обнаружили единство взглядов на возможности плодотворного объединения усилий для построения общего Дома – широкого общекультурного пространства для общения представителей искусства и науки. Кроме того, собеседники подняли традиционную проблему о месте литературы и писателя в современных условиях и попытались затронуть целый ряд связанных с ней вопросов: Кем является сейчас писатель – пророком или регистратором? Какова функция писателя в России? Должен ли писатель находиться в гуще жизни? Отражается ли медийность на литературе? Не станет ли словесное творчество милым чудачеством? Что происходит с современным сознанием? ...

Ксения Голубович и Ольга Седакова, несмотря на позитивистское название своего диалога – *Опыт и слово*, провели его на уровне высокого «парения», в несколько отвлеченном устремлении к романтизму, мистицизму... *Опыт* трактуется как некий творческий дар, с помощью которого – через посредство *слова*, – открываются смыслы, неведомые еще человеку; творчество определяется как чудо, волшебство, распахнутый во все концы мир, максимальная свобода духа; великое стихотворение – это мощнейшая игра свободы духа, а поэзия – это прежде всего жизнь и поступки человека и проч. У собеседниц наблюдаются некие расхождения в понимании филологии и смысла филологического анализа, зато полное единодушие в отношении к тоталитаризму и к современному российскому обществу, которое, как они считают, все еще «мыслит себя в качестве военного лагеря» или «вечной чрезвычайки» (с. 411).

Александр Гаврилов, Дмитрий Быков и Игорь Караулов намеренно приземленно – «балаганно и с подначками» – рассуждали о *Величии поэта и размере*

человека, т.е. опять-таки о сущностной проблеме русской литературы – о нравственности. И здесь вновь возникли злободневные вопросы: Важно ли какой человек поэт? Чего не должен делать поэт, чтобы у него получались хорошие стихи, или что должен делать поэт, чтобы они получались? Можно ли быть алкоголиком и бабником и писать «По небу полуночи ангел летел...»? Существуют ли вещи, которые умаляют поэта? Поэт по-русски – он все-таки поэт с биографией? Не бывает ли поэтическое безобразие, поиск себя на дне стакана и прочая рассчитанным элементом промоушна? Должна ли моральная мерка ограничивать поэта? Человек, который ставит границы своему дару, – он поэт? Почему встать на колени перед обидчиком нельзя, а дать в рожу обидчику можно? Почему поэт не может унижаться?... И давались варианты ответов: Я считаю, что поэт должен быть в первую очередь все же приличным человеком (с. 418). Можно быть алкоголиком и бабником и писать «По небу полуночи ангел летел...», но быть начальником тайной канцелярии и это написать – нельзя. Потому что есть вещи, которые умирают от определенных занятий. Поэтому я за то, чтобы прощать поэтам их, так сказать, промискуитет, алкоголь, грубость и аутизм, и за то, чтобы не прощать им предательство и сервильность (с. 420).

Можно сказать, что первый том ТТ открыт на актуализацию традиционных проблем и постановку новых, а также на диалог, размышления, обмен мнениями. Будучи «объединительным проектом», альманах стремится к расширению круга своих единомышленников и читателей.

Ludmiła Łucewicz
Uniwersytet Warszawski

„ŻYCIE SERCA”. DUCH–DUSZA–CIAŁO I RELACJA JA–TY W LITERATURZE I KULTURZE ROSYJSKIEJ XX–XXI WIEKU, pod red. M. Cymborskiej-Lebody, A. Gozdek, R. Rybickiej, J. Tarkowskiej, M. Ułanek, Seria Rossica Lublinensia VII, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej 2012, ss. 487.

Siódmy tom serii Rossica Lublinensia przynosi teksty 47 autorów z 11 krajów (Czechy, Francja, Japonia, Łotwa, Niemcy, Polska, Rosja, Szwajcaria, Ukraina, USA, Węgry). Zakres podejmowanych w tomie zagadnień jest niezwykle szeroki: od różnorodnych interpretacji motywu serca w kulturze rosyjskiej, poprzez refleksję na temat postrzegania opozycji między ciałem i duszą, ku namysłowi nad problemami komunikacji w procesie konstytuowania poczucia tożsamości osoby.